УДК 159.942.5-053.2:347.943.1

Л.А. Соколова
Научный руководитель: доктор психологических наук, профессор Ф.С. Сафуанов

АНАЛИЗ ПРИЧИН ОТКАЗА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ ОТ СВОИХ ПОКАЗАНИЙ

Статья посвящена выявлению и описанию факторов, влияющих на отказ несовершеннолетних потерпевших от сотрудничества со следствием. Результаты эмпирического исследования показали, что причины явления носят комплексный характер, однако ведущими являются несовершенство процедур сбора доказательств и отсутствие поддержки жертв со стороны их ближайшего окружения.

Жестокое обращение с ребенком, насилие, психология допроса, свидетельские показания, несовершеннолетние потерпевшие.

This article deals with detecting and describing the factors forcing minor victims not to cooperate with the investigation. There had been empirically proven that the reasons are complex, but the main of them are considered to be imperfection of evidence collection procedure and the lack of support by immediate environment of victims.

Child abuse, violence, interrogation psychology, testimony, juvenile victims.

Специалисты, сталкивающиеся с правонарушениями в отношении несовершеннолетних, хорошо осведомлены о том, что расследование этой категории дел имеет свою уникальную специфику. Помимо особенностей, связанных с насильственными преступлениями в целом, случаи, где потерпевшими выступают дети и подростки, содержат в себе дополнительные сложности. В частности, существенное значение приобретают такие явления, как отказ несовершеннолетних потерпевших от дачи показаний, отказ от ранее данных ими сведений или даже отказ от участия в расследовании в целом. Несмотря на развитие современной следственной практики, это по-прежнему привносит в работу сотрудников правоохранительных органов дополнительные сложности.

С целью выяснения причин данного явления нами были отобраны и исследованы материалы 60 уголовных дел. Для проведения анализа изыскивались случаи, где потерпевшими являлись несовершеннолетние различного возраста, пострадавшие от жестокого обращения со стороны взрослых (сексуальное насилие – изнасилование или насильственные действия сексуального характера, физическое насилие – истязания, побои, телесные повреждения). Для чистоты эксперимента рассматривались только те из них, где вред, нанесенный ребенку, носил выраженный характер и был подтвержден объективными данными (судебно-медицинской экспертизой, большим количеством свидетелей, материальными следами преступления и т.п.). Из 60 изученных случаев отказы были зафиксированы в 34 из них (56,7 %). Таким образом, уже на первом этапе анализа обнаружился весьма высокий процент отказов.

Для изучения содержательной стороны происходящего был предпринят психологический анализ материалов уголовных дел. В первую очередь изучались показания самих потерпевших и их объяснения по поводу отказа от участия в расследовании. Дополнительно рассматривались показания иных лиц – врачей, инспекторов ПДН, педагогов и педагогов-психологов, сопровождавших несовершеннолетних в ходе судебно-следственных мероприятий. Эти показания, приложенные к материалам дела, имели особенную ценность, так как именно в них отмечались все те обстоятельства, которые несовершеннолетние сообщали взрослым в ходе доверительных бесед в отсутствие протокола.

Перечень наиболее распространенных мотивов, которыми руководствовались несовершеннолетние жертвы преступлений, выглядит следующим образом:

1) переживания, связанные с необходимостью многократного пересказа о травмирующих событиях;

2) переживания, связанные с необходимостью принимать участие в большом количестве утомительных (в т.ч. длительных по времени) процедур;

3) переживания, связанные с негативной эмоциональной реакцией членов семьи (их осуждающей позиции или выраженного страдания по поводу произошедшего);

4) страх навредить агрессору (если в качестве последнего выступал родитель или другие члены семьи, близкие);

5) страх перед агрессором, оказывающим психологическое давление (самостоятельно или с помощью третьих лиц);

6) страх выступления в суде (необходимость публичного рассказа о случившемся);

7) опасения по поводу возможных отрицательных последствий участия в уголовном процессе: ухудшение условий существования, возможное помещение в детский дом и т.п.;

8) желание вернуться домой (в случае помещения в приют);

9) грубое поведение участников процесса (следователей, экспертов, полицейских);

10) изначальное отсутствие мотивации к участию в процессе (если инициатива огласки исходила от взрослых, без желания самого пострадавшего).

Следует отметить, что практически всегда отказы от показаний были полимотивированы: 34 потерпевших привели в целом 122 причины своего поведения во время расследования.

Обоснования отказов ранжировались следующим образом:

1. Необходимость многократно пересказывать события – 26 потерпевших (76,5 % всех отказов).

2. Длительность и утомительность процедур – 21 (61,8 %).

3. Изначальное отсутствие мотивации к огласке события – 17 (50 %).

4. Страх навредить агрессору – 15 (44,1 %).

5. Негативная эмоциональная реакция членов семьи – 9 (26,5 %).

6–7. Грубое поведение участников следствия – 8 (23,5 %).

6–7. Страх перед агрессором – 8 (23,5 %).

8. Желание вернуться домой – 7 (20,6 %).

9–10. Опасение негативных последствий расследования – 6 (17,6 %).

9–10. Страх публичного выступления в суде – 6 (17,6 %).

Из приведенных данных следует, что первостепенными причинами выступают необходимость многократного пересказа о травмирующем событии и длительность процедур, связанных с получением показаний. Психологическая подоплека этого обстоятельства состоит не только в однообразном повторении бесед об одних и тех же событиях, но и в нарастании вторичной травматизации вследствие многократного погружения в тягостные воспоминания. Необходимо отметить, что, несмотря на внедрение в следственную практику видеозаписи показаний несовершеннолетних, в реальности от момента первого рассказа до его фиксации потерпевший опрашивается в среднем 3–5 раз, поскольку процедура сбора доказательств довольно громоздка и включает в себя отдельные беседы с дознавателем, следователем, педагогом или психологом, врачами и членами экспертной комиссии и т.д. В результате этого содержание показаний постепенно редуцируется, после 3–4 пересказа утрачивается ряд существенных деталей, а после 5–6 раза большинство потерпевших отказываются от участия в расследовании. Становится ли этот отказ окончательным – зависит от опыта и мастерства следователя и педагога/психолога.

Если же рассматривать сугубо психологические мотивы отказа (отсутствие мотивации и страх навредить агрессору, занимающие третье и четвертое места), то среди них доминируют переживания, связанные с взаимоотношениями потерпевшего и виновника. Здесь можно отметить, что в 22 случаях из 34 (64,7 %) криминальность взаимоотношений взрослого и ребенка открывалась случайно, зачастую – при сопротивлении пострадавшего, вне зависимости от того, шла ли речь о сексуальной или же физической агрессии. Но даже если потерпевшие, надеясь на прекращение насилия, соглашались давать показания, все менялось, как только они узнавали, что завершение травмирующих отношений возможно лишь путем изоляции виновного. Как правило, после этого жертвы отказывались от ранее представленных ими сведений, сообщали, что они все выдумали, объясняли произошедшее нереалистичными причинами, невзирая на результаты судебно-медицинской экспертизы, свидетельства очевидцев и т.д.

Причина такого поведения может крыться в следующем. Применительно к несовершеннолетним, отказавшимся от участия в расследовании (34 человека), большинство обвиняемых являлось либо членами семьи потерпевших (20 человек), либо родственниками и близкими друзьями, входившими в семейный круг (10 человек). Чужие, незнакомые или малознакомые люди фигурировали только в 4 случаях. Таким образом, 30 из 34 обвиняемых (88,2 %) имели самые тесные контакты с пострадавшими детьми и их семьями. Уникальность данной группы состоит в том, что большинство семьей (в первую очередь, родители) продолжало поддерживать эти близкие отношения с обвиняемыми даже после того, как происходящее между ребенком и взрослым получало широкую огласку. Так, применительно к членам семьи отношения прервались только в 5 случаях из 20, с родственниками и друзьями – в 5 из 10. Таким образом, в 20 случаях из 34 (58,8 %) несовершеннолетние, участвующие в расследовании, вынуждены были давать показания против взрослых, с которыми их окружение по-прежнему поддерживало самые тесные контакты. Характерно, что на эти 20 интенсивно контактирующих семей приходятся 16 случаев внезапной огласки событий (происходившей, как правило, по инициативе посторонних людей и при сопротивлении семьи). То есть внутри данной группы значительная часть детей-потерпевших испытывала непомерную для них психологическую нагрузку, закономерно приведшую к обсуждаемым отказам.

Среди пострадавших, которые ни разу не отказались от своих показаний (26 человек), наблюдались иные соотношения. Как и в первой группе, агрессорами зачастую выступали члены семьи (13 человек) или весьма близкие к ней люди (5 человек), однако их соотношение (18 из 26) составило 69,2 % против 88,2 % (30 из 34) в предыдущем случае. Количество нападений со стороны посторонних людей насчитывает уже 30,8 % (8 человек) против 11,8 % (4 человека) в первой группе. Основное же различие состоит в том, что взаимоотношения обвиняемых с семьями потерпевших в данном случае изначально не были настолько близкими и прерывались сразу после огласки события (17 случаев из 18). Указанное обстоятельство резко разделяет две описываемые группы – 33,3 % завершившихся отношений в первой группе против 94,4 % во второй группе. В связи с этим можно предположить, что такое прекращение контактов родителей с агрессорами снижало уровень психологического давления на потерпевших, которые получали поддержку значимых взрослых и не

возлагали на себя ответственность за внутрисемейный раскол, произошедший в результате обнаружения противоправных действий. В пользу этой гипотезы говорит количество случаев внезапной огласки – во второй группе их насчитывается всего 3 (11,5 %), в то время как в первой – 22 (64,7 %). Несовершеннолетние из второй группы прямо сообщали о происходящем родителю либо открыто обращались за помощью к другим родственникам, что определенно указывает на высокий уровень доверия, существующий в этих взаимоотношениях.

Дополнительно нами была предпринята попытка обнаружить ведущую причину отказа, главную для каждого отдельного случая, однако она не увенчалась успехом. Единственным значимым показателем выступила необходимость многократно пересказывать события, указанная 10 потерпевшими (29,4 %). Прочие же причины равномерно распределились внутри исследуемой выборки (по 4–5 человек на каждый показатель, т.е. 7–8 %), в связи с чем выделить какой-либо главный фактор не представляется возможным.

Из этого следует, что отказы несовершеннолетних потерпевших от участия в расследовании и от своих показаний носят полимотивированный характер и вызваны сочетанием ряда причин, что делает необходимым рассмотрение каждого отдельного случая при расследовании каждого конкретного преступления как уникального. Тем не менее, среди общих закономерностей можно отметить желание несовершеннолетних избежать повторяющихся пересказов, на что указывает около 1/3 потерпевших.

Выводы:

1. Среди изученных случаев отказ несовершеннолетних потерпевших от своих показаний или от участия в расследовании наблюдался в 56,7 % случаев. Основной причиной этого явления выступает несовершенство процедуры получения сведений: необходимость многократно повторять рассказ о травмирующем событии, актуализирующий переживание негативных эмоций при воспоминании о преступлении, а также прохождение длительных и утомительных процедур, связанных со сбором доказательств. Результаты исследования свидетельствуют о том, что перечисленные причины превалируют над психологическими мотивами отказа.

2. Основными психологическими мотивами отказа несовершеннолетних потерпевших от участия в расследовании выступают особенности взаимоотношений обвиняемых с пострадавшими и их семьями (отсутствие мотивации к огласке, страх навредить агрессору, а также близкие отношения между виновными и семьями несовершеннолетних, продолжающиеся после разоблачения).

3. Исследуемая проблема носит комплексный характер и включает в себя как неэффективную организацию процедур, связанных с участием детей-потерпевших, так и недостаточный учет ряда психологических факторов, имеющих для несовершеннолетних существенное значение. Все это является основанием для дальнейшего исследования раскрываемой темы и последующей разработки приемов, направленных на профилактику самоустранения несовершеннолетних потерпевших в ходе отправления правосудия и защиты их прав, в первую очередь, по делам о жестоком обращении с детьми.

Литература

1. *Васкэ, Е.В.* Психология допроса несовершеннолетних правонарушителей и жертв сексуального насилия / Е.В. Васкэ. – М., 2014.

2. *Сафуанов, Ф.С.* Методологические принципы психологического взаимодействия работников следственных органов с несовершеннолетними при допросе / Ф.С. Сафуанов, Е.В. Васкэ // Юридическая психология. – 2011. – № 2. – URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/ 2012/n2/ 53475.shtm

3. *Сафуанов, Ф.С.* Существует ли специальная методология юридической психологии? Приглашение к дискуссии / Ф.С. Сафуанов // Прикладная юридическая психология. – 2011. – № 1. – С. 8.

УДК 159.9:316.37

В.В. Хромов

ТИП МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ ЛИДЕРА КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ГРУППОВОЙ ДИСКУССИИ

В статье приводятся результаты эксперимента по межличностному взаимодействию при проведении групповой дискуссии. Показано, что существенные различия обнаруживаются в эффективности групповых дискуссий. Такой результат связан с типом межличностного отношения лидера. Делается вывод, что доброжелательные лидеры более эффективны, чем авторитарные.

Групповая дискуссия, межличностное взаимодействие, тип межличностного отношения лидера, интерактометрия.

The paper contains the experimental results of interpersonal interaction during group discussion. Essential differences are revealed in the effective group discussion. This result is related to the type of leader's interpersonal attitude. The paper concludes that frendly leaders are more effective than authoritarian leaders.